

100

Z – ЗНАЧИТ ЗАХАРИЯ

ДВАЖДЫ ЭКРАНИЗИРОВАННЫЙ
ПЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ЗДГАР»
ОТ АССОЦИАЦИИ ДЕТЕКТИВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ АМЕРИКИ
В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ РОМАН».

РОБЕРТ О'БРАЙЕН

Сотня

Роберт О`Брайен
Z – значит Захария

«АСТ»

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

О`Брайен Р.

Z – значит Захария / Р. О`Брайен — «АСТ», — (Сотня)

Мира, который она знала, больше нет. Ядерная война унесла всех ее близких. Шестнадцатилетняя Энн Бёрден осталась совсем одна в изолированной долине, окруженной горами... а может, и на всей планете. Ужасно, не правда ли? Но по прошествии года Энн убеждается, что ошибалась. И что даже в этом изуродованном, вывернутом наизнанку мире может быть кое-что пострашнее одиночества.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Содержание

Один	6
Два	10
Три	14
Четыре	18
Пять	22
Шесть	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Роберт О`Брайен

Z – значит Захария

Robert C. O'Brien: Z FOR ZACHARIAH

Печатается с разрешения The Estate of Robert C. O'Brien и литературных агентств The Karpfinger Agency и Nova Littera SIA.

© 1974 by Sally Conly; Renewed

© 2002 by Christopher Conly, Jane Leslie Conly, Kate Conly and Sarah Conly

© П. М. Волцит, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Один

20 мая

Мне страшно.

Кто-то идет.

То есть я думаю, что кто-то идет, хотя не уверена и молю Бога, чтобы ошибиться. Я пошла в церковь и молилась все утро. Окропила водой алтарь, положила на него цветы: фиалки и кизил.

Но дым никуда не делся. Он держится уже три дня – не как в прошлый раз. Тогда, год назад, дым поднялся вдалеке огромным облаком и висел в небе две недели. Огонь пожирал мертвые леса, пока не пошел дождь и дым не исчез. Но сейчас там просто тонкий столбик, невысокая струйка.

И столб этот поднимался три раза, всегда под вечер. Ночью дыма не видно, а к утру он исчезает. Но каждый день возникает снова и все ближе. Поначалу он появился за хребтом Клейпоул, и мне было видно только самую его верхушку, малюсенькое пятнышко. Я подумала, это облачко, но оно было слишком серым, неестественного цвета, а затем я сообразила: других-то облаков нет, небо чистое. В бинокль я увидела, что «облако» узкое и прямое – столб дыма от небольшого костра. Пока мы еще ездили на грузовике, хребет Клейпоул был от нас в пятнадцати милях, хотя кажется, что он ближе. Так вот, дым шел за ним.

За хребтом, еще милях в десяти дальше, находится Огдентаун. Но там живых не осталось.

Я знаю это, потому что, когда война кончилась и все телефоны замолчали, папа с Джозефом и Дэвидом, моими родным и двоюродным братьями, поехали на грузовике разведать, что к чему, и первым делом отправились в Огдентаун. Они выехали рано утром; Джозеф и Дэвид дрожали от волнения, а отец выглядел очень озабоченным.

Когда они вернулись, уже стемнело. Мама беспокоилась, почему их нет так долго, и мы ужасно обрадовались, когда, наконец, увидели огни грузовика, перевалившего через холм Бёрден в двух милях от нас. Они смотрелись маячками. Единственные огни в округе, не считая света в доме, – больше никаких машин за целый день. Мы знали, что это наш грузовик, потому что одна фара, левая, всегда мигала, когда машину подбрасывало на неровной дороге. Грузовик подъехал к дому; от утреннего возбуждения ребят не осталось и следа. Они выглядели перепуганными, а отца, казалось, подташнивало. Возможно, от уже начавшейся болезни, но главным образом, думаю, просто от ужаса.

Мама с тревогой глядела, как он выбирается из кабины.

– Что там? Что вы нашли?

– Тела. Только мертвые тела. Они все мертвы.

– Все?!

Мы пошли в дом, полный света, мальчишки молча плелись позади. Папа опустил на стул.

– Ужас, – сказал он и повторил: – Ужас, ужас. Мы ехали по улицам, осматривая все вокруг. Сигналили. Потом поехали к церкви и били в колокол. Его за пять миль слышно! Ждали два часа, но никто не пришел. Я зашел в пару домов: к Джонсонам, Питерсам – все на месте, все мертвы. И мертвые птицы на улицах...

Джозеф заплакал. Ему было четырнадцать, и я уже шесть лет не видела, чтобы он плакал.

21 мая

Он приближается. Сегодня уже почти на гребне хребта, но еще не совсем – в бинокль я не видела пламени, только дым, но тот поднимался очень быстро, значит, невысоко над костром.

Я знаю, где он: на развилке. Сразу за перевалом шоссе восток – запад, на Динтаун, пересекается с нашей дорогой. Это автострада номер 9, федеральная трасса, крупнее нашей окружной дороги 793. Он остановился там и думает, куда пойти: по Девятой или через хребет. Я говорю «он», потому что так думаю, хотя, возможно, это *они* или даже *она*. Но мне кажется, он. Если он решит идти по шоссе, то уйдет навсегда и все останется по-прежнему. С чего бы ему возвращаться? Но если он поднимется на гребень, то точно спустится сюда, потому что увидит деревья в зеленых листьях. По ту сторону хребта, даже на том склоне холма Бёрден, зелени нет, все умерло.

Чувствую, мне надо кое-что объяснить. Во-первых, почему я испугалась. Во-вторых, почему пишу в этой тетради, взятой в магазине Кляйнов в миле отсюда.

Я взяла тетрадку и запас шариковых ручек еще в феврале. А еще раньше последняя радиостанция – такая слабенькая, что я могла расслышать ее только ночью, – прекратила вещание. Она молчала уже около четырех месяцев.

Это «около» стало первой причиной, почему я взяла тетрадь: поняла, что забываю, когда что случилось, а порой не помню, случилось ли *вообще*. Другая причина – я подумала, что, ведя дневник, буду словно говорить с кем-то, а потом, когда перечитаю его, как будто кто-то будет говорить со мной. Но, по правде говоря, я почти ничего не писала – не о чем было.

Иногда я записывала погоду, если случалась буря или что-то необычное. Занесла дату посадки растений, подумав, что это может пригодиться на следующий год. Но большую часть времени я не прикасалась к дневнику – дни повторяли один другой, и порой я думала: зачем вообще что-то писать, если никто никогда этого не прочтет. Тогда я напоминала себе: когда-нибудь, через многие годы, *ты сама* прочитаешь это. Я не сомневалась, что была единственным человеком, оставшимся на свете.

Но теперь у меня есть о чем писать. Я ошибалась: я не единственный человек на Земле. Это волнующе и страшно одновременно.

Сперва, когда все остальные ушли, я ненавидела одиночество и глядела на дорогу весь день и почти всю ночь в надежде, что какая-то машина, *хоть кто-нибудь* покажется на вершине холма. Когда спала, мне снилось, что кто-то заезжал и поехал дальше, не заметив меня; тогда я вскакивала и бежала на дорогу, надеясь хотя бы увидеть растворяющиеся в ночи габаритные огни. А потом... Прошли недели, радиостанции замолкли одна за другой, и когда замолчала последняя, я наконец поняла, что никто больше не придет и ни одна машина не проедет мимо. Конечно, я еще некоторое время уговаривала себя, что это батарейки сели, но, набрав в магазине новых и проверив их в фонаре, поняла, что «села» на самом деле радиостанция.

Правда, человек на той последней станции предупреждал, что ему придется замолчать – иссякал источник энергии. Он все передавал и передавал свои широту и долготу, словно плыл на корабле, а не сидел на суше – где-то под Бостоном, в Массачусетсе. Он еще кое-что говорил, что мне не понравилось. И что заставило размышлять.

Допустим, машина перевалит через холм, я выбегу навстречу, и кто-там-в-ней-сидит выйдет из кабины – а что, если он сумасшедший? Или, допустим, он окажется жутко противным или злым и жестоким? Убийцей? Что я буду делать? Тот человек на радио под конец и сам стал казаться безумцем. Он был напуган: вокруг явно оставалось совсем мало людей и еще меньше еды. Он все призывал сохранять достоинство перед лицом смерти, говорил, что никто не имеет права считать себя лучше других. Его тон был умоляющим, и я понимала: там происходит что-то ужасное. Однажды он сорвался и расплакался прямо в эфире.

Так что я решила: если кто и придет, я сначала смотрю, кто он, и лишь потом показываюсь на глаза сама. Одно дело ждать визита в цивилизованном мире, когда вокруг есть другие люди. Но когда вокруг никого, мир выворачивается наизнанку. Постепенно я поняла: есть вещи похуже одиночества. И, подумав так, стала перетаскивать все самое необходимое в пещеру.

22 мая

Сегодня под вечер дым пошел снова, в том же самом месте, что и вчера. Я знаю, что он (*она? они?*) делает. Пришел с севера. Разбил лагерь у перекрестка и ходит на разведку на восток и на запад по US 9. Это меня беспокоит. Если он обследует восток и запад, то, конечно, пойдет и на юг.

Я поняла еще кое-что: у него явно увесистая поклажа, должно быть, еда и вещи. Он оставил их у развилки и совершает вылазки налегке. А это значит, что незнакомец, вероятно, не встретил никого по пути, откуда бы он ни шел, – иначе не стал бы так оставлять вещи. Или же с ним еще кто-то. Конечно, возможно, он просто отдыхает. Может быть, у него машина, но вряд ли. Папа говорил, машины останутся радиоактивными еще долгое время – это, как я понимаю, из-за того, что они из металла. Отец знал много всего такого. Он не был ученым, но читал все научно-популярные статьи в газетах и журналах. Думаю, он поэтому так забеспокоился, когда после окончания войны выключились все телефоны.

На следующий день после поездки в Огдентаун все отправились снова. На сей раз в двух машинах: в нашем грузовичке и в фургоне мистера Кляйна, владельца магазина. Посчитали, так будет лучше: вдруг одна машина сломается. Мистер Кляйн и его жена тоже поехали, и в конце концов мама решила ехать с ними. Думаю, она боялась разлучаться с папой, это пугало ее даже больше, чем рассказ об Огдентауне. Джозефа оставили дома со мной.

Во второй раз они отправились на юг: сначала через долину, где жили амиши¹, – посмотреть, как те пережили бомбардировку. (Нет, их не бомбили – ближайшие бомбы упали далеко; папа считал, что в сотнях миль от нас или даже дальше: мы едва слышали гул, хотя и почувствовали, как дрожала земля.) Амиши были нашими друзьями, особенно мистера Кляйна – еще бы, его основные покупатели. Поскольку у них не было машин, только конные фургончики, они редко доезжали до Огдентауна.

Потом, проведая амишей, папа хотел повернуть на запад, на шоссе до Динтауна, заодно проехав через Бэйлор. Динтаун – настоящий город, двести тысяч жителей, намного больше Огдентауна. Именно туда мне предстояло поехать через два года, в педагогический колледж. Я надеялась стать учительницей английского.

Они выехали рано утром, мистер Кляйн впереди на своем автофургоне. Отец, прощаясь, погладил меня по голове, как будто мне было шесть лет. Дэвид ничего не сказал. Прошел почти час после их отъезда, когда я поняла, что Джозефа нет рядом, и догадалась, где он: в кузове фургона Кляйнов. Могла бы додуматься и раньше. Нам обоим было страшно, что нас бросают одних, но отец сказал, мы должны остаться на ферме, чтобы поить животных и на тот случай, если кто-нибудь придет или телефоны снова «оживут» и наш зазвонит. Но он не зазвонил, и никто не пришел.

Не вернулась ни моя семья, ни мистер и миссис Кляйны. Я знаю теперь, что они не встретили никого из амишей, никого в Динтауне. Никого живого.

¹ Амиши – одна из протестантских деноминаций, распространенная в некоторых штатах США и в канадской провинции Онтарио. Живут замкнутыми общинами, отвергают многие современные удобства, в частности автомобили, и ездят на конных повозках. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Потом я забиралась на вершины всех холмов, окружающих нашу долину, и на каждой вершине залезала на дерево. Я увидела, что все деревья за холмами умерли, и не заметила ни следа движения. Туда я не хожу.

Два

23 мая

Я пишу утром, около 10.30, приходя в себя от того, что должна была сделать. Сердце кровью обливалось, но если прожду, пока он перейдет через перевал и потом через холм Бёрден – то есть спустится в мою долину, где я, наконец, смогу его рассмотреть, будет уже поздно.

Вот что надо было сделать:

выпустить кур из птичника. Я разогнала их, и теперь все они гуляют на свободе. Поймаю их потом, во всяком случае большую часть, если не прогуляют слишком долго;

выпустить двух коров и теленка, молодого бычка, выгнать их из загона на пастбище. Некоторое время продержатся сами. На дальнем поле вдоль дороги хорошая трава, в пруду есть вода, а теленок не оставит мать недоенной. У меня гернзейцы. Обычно мне везло с животными, да и я хорошо о них заботилась. Куры не переставали нестись, у меня теперь даже на две больше, чем было вначале. Только пес Дэвида, Фаро, убежал. Исчез однажды утром и больше не вернулся. Думаю, он выбежал за пределы долины на поиски хозяина и погиб;

перекопать огород – все мои всходы! Разровнять и присыпать опавшей листвой. Теперь выглядит так, как будто ничего и не было. Эту часть работы я ненавидела больше всего – все так хорошо росло! Но мне хватит консервов и круп, а если бы он увидел ухоженный огород, то сразу бы понял, что здесь кто-то живет.

Я сижу у входа в пещеру. Отсюда можно видеть большую часть долины, дом и сарай, крышу погреба, тонкий шпиль старой церкви (часть досок отошла – смогу ли я починить их? Не знаю) и отрезок ручья, текущего футах в пятидесяти ниже. Видно мне и спуск дороги с холма Бёрден, почти до того места, где она скрывается за перевалом, – это около четырех миль. Но не думаю, что он найдет пещеру: на склоне холма за домом, да закрытую деревьями, да с маленьким входом. Джозеф, Дэвид и я не знали о ней многие годы, хотя играли поблизости почти каждый день.

Дом он, конечно, найдет, и погреб, и церковь, но наверняка ему попадалось много всякого такого. Хорошо, что я давненько не прибиралась в доме. Сегодня утром внимательно осмотрела его – мне кажется, признаков недавнего присутствия хозяев не обнаружить. Цветы с алтаря в церкви я сняла. Сюда притащила две лампы и запас керосина.

Теперь осталось только ждать. Я сказала, что начала писать около 10.30, но на самом деле совершенно в этом не уверена. Наручные часы ходят, но их никак не проверить, разве что по солнцу. Я и в дате-то не уверена. У меня есть календарь, но как же тяжело – ужасно тяжело – следить за датами даже с календарем. Поначалу я отмечала каждый день карандашом. Но потом, днем, начинала думать: а сегодня уже отмечала? Чем больше думала, тем больше не помнила. Уверена: несколько дней я пропустила. Но другие могла отметить дважды. Теперь у меня другая система: я завожу будильник и ставлю прямо на календарь, и когда он звонит, отмечаю день. Это я делаю строго по утрам, а вечером снова завожу и выставляю будильник.

Похоже, я знаю, как установить точную дату. «Календарь фермера» говорит, что самый длинный день в году – это 22 июня. Так что через пару недель я начну каждый день засекают время восхода и заката. Самый длинный день окажется 22 июня.

Это важно, мне кажется. А кроме того, 15 июня у меня день рождения, и я бы хотела знать, когда он наступит, и следить за своим возрастом. В этом году мне исполнится шестнадцать, недели через три.

Я могла бы еще много писать обо всем таком: о том, что мне пришлось придумать с тех пор, как я осознала, что одна и останусь одна, может быть, всю оставшуюся жизнь. Самой большой удачей стал магазин – и не просто магазин, а супермаркет, с самыми разнообразными товарами благодаря частым визитам амишей. Другой удачей оказалось то, что война закончилась весной (она и началась весной, конечно, – война продлилась всего неделю), так что у меня было целое лето на то, чтобы понять, что к чему, пережить страх и подумать о том, как пережить зиму.

Об отоплении, например. В доме была мазутная печь и газовая плита. Одновременно с телефонами выключилось и электричество, а без него печь не работала. Газовой плите ток не нужен, но я знала, что мои два баллона рано или поздно кончатся и никакая машина не придет заменить их. Но в доме было два камина: один в гостиной, другой в столовой, и в дровяном сарае лежала вязанка уже готовых дров. Я понимала, что этого не хватит, и потому посвятила заготовке дров немало утреннего времени весной, летом и осенью.

Закрыв остальную часть дома, мне удалось сделать эти две комнаты довольно теплыми – по-настоящему теплыми, не считая пары совсем уж холодных дней, да и тогда дело обошлось дополнительными свитерами. Экономно расходуя газ, я растянула его почти на всю зиму; потом пришлось готовить в камине, что, конечно, неприятно: все кастрюли в саже. В сарае есть старая угольная плита, на которой мама готовила, пока мы не купили газовую. Этим летом я собираюсь попытаться – то есть собиралась – затащить ее в дом. Она неподъемная, но попробую разобрать ее – уже смазала маслом все винты, чтобы отошла ржавчина.

Я начала эти записи утром, пока отдыхала. Потом еще поработала, пообедала, и вот уже скоро вечер.

Дым пошел снова. Он точно на нашей стороне хребта Клейпоул. Насколько я могу судить, примерно на полпути между хребтом и холмом Бёрден. Значит, он (они? она?) видел долину и зеленые деревья, поскольку хребет выше нашего холма. Долину оттуда видно – по крайней мере дальнюю часть, – я сама не раз смотрела на нее. Поэтому можно было бы полагать, что он поспешит. Пройдя до Динтауна или в другую сторону, на восток по «девятке», он видел только мертвую землю, какую видела я, выглядывая из долины: все серое и коричневое, черные скелеты деревьев. Он, полагаю, не видел по пути ничего другого. И застрял между хребтом и холмом Бёрден... Там всего около восьми миль – так нет, остановился на полдороге и разбил лагерь!

Пожалуй, завтра утром схожу к вершине холма, залезу на дерево и понаблюдаю. По дороге не пойду – есть тропа выше по склону, идущая в том же направлении, но лесом. Вообще, в лесу много троп, и я знаю все. Если пойду, возьму одно из ружей, легкое, 22-го калибра. Я неплохо стреляю, лучше Джозефа и Дэвида, хотя тренировалась только на банках и бутылках. У большого – папиного – «винчестера» слишком сильная отдача. Я стреляла из него, но все время дергалась, спуская крючок, и промазывала. Конечно, я не собираюсь пускать в ход ружье, да и вообще не люблю оружие. Но просто чувствую, что надо бы взять его с собой. В конце концов, я не знаю, чего ждать.

Сегодня надо принести в пещеру побольше воды и наготовить впрок. Когда он спустится в долину, готовить на костре я уже не смогу. Днем он увидит дым, ночью – пламя. Разжечь костер в пещере не удастся – мы с мальчишками попробовали однажды, и густой дым тут же выгнал нас наружу. Сегодня я приготовлю курицу, сварю несколько яиц и напеку кукурузного хлеба, так что не придется сидеть на одних консервах. По крайней мере, первое время.

За водой можно ночами выбираться к ручью. Но, думаю, безопаснее сделать запас. У меня шесть больших бутылей из-под сидра с крышками.

Это было еще одним вопросом, который требовалось решить, когда кончилось электричество: вода. Около дома была – и есть – скважина, около шести футов глубиной, с электрическим насосом. У нас имелся электрический водонагреватель, душ с ванной и прочее; но, конечно, все это перестало работать еще до того, как моя семья уехала. Так что воду нам пришлось таскать. В скважину ведро не опустишь – она слишком узкая, поэтому оставались только два ручья. Один – его видно отсюда – течет мимо пещеры, спускается к дому и поворачивает налево к пастбищу, где разливается в большой пруд, даже в маленькое озеро: чистое и довольно глубокое, с лещами и окунями. Другой: ручей Бёрден (в честь нашей семьи, как и холм, – Бёрдены были первыми, кто поселился в этой долине) – больше и шире и к дому ближе. Он вьется вдоль дороги и вытекает из долины через узкое ущелье на юге. Это даже, скорее, небольшая речушка, очень красивая. Была.

Поскольку она ближе, мы решили носить воду оттуда – по два ведра за раз, по мере надобности. К счастью, мы с Джозефом, пошедшим со мной в первый раз, кое-что заметили. В речке тоже водилась рыба, хотя не такая большая и не так много, как в пруду. Но в тот первый раз, спустившись за водой, мы увиделидохлую рыбину, проплывающую кверху брюхом. А на берегу я нашла мертвую черепаху. Речка втекает в долину через расщелину в скалистом гребне слева от холма Бёрден – вода приходит извне, и она была отравлена. Мы долго смотрели на реку (правда, отойдя подальше) и видели, что в ней не осталось ничего живого: ни лягушек, ни насекомых.

В панике мы пробежали (с ведрами) до самого пруда, до того места, где в него впадал маленький ручеек. Никогда в жизни я так не радовалась увиденной стайке рыбок! Они поспешно уплыли, как всегда. Вода была нормальной. И остается. Она вытекает из родника на склоне холма, расположенном внутри долины, должно быть, просачиваясь из глубин земли. Я все время ловлю рыбу в пруду, это мой лучший источник еды, не считая середины зимы, когда клев прекращается.

Думаю, я точно пойду утром, как только рассветет. Теперь, решившись, я начинаю волноваться по поводу полнейшей ерунды: как я выгляжу, во что одета. Я подумала об этом сегодня утром, в доме, и посмотрелась в зеркало, чего давно уже не делала. На мне голубые джинсы, правда, мужские (в магазине их целые коробки, а вот женских нет), поэтому сидят не очень – мешковаты. И мужская байковая рубашка, да и тенниски тоже мальчишковые. Не сверххизысканно, и волосы тоже так себе – я просто подрезаю их прямо на уровне шеи. Первое время я еще завивала их каждый вечер – как перед школой, но это отнимало кучу времени, и потом – ну кто их увидит, кроме меня самой? Так что они просто прямые. Но чистые, и стали заметно светлее, поскольку я провожу много времени на солнце. Мне кажется, я не такая тощая, как раньше, хотя в этой одежде не поймешь.

Но сейчас я раздумываю: а может, надеть платье? Допустим, это действительно спасательный отряд, официальная группа для чего-то такого? Ладно – думаю, я успею пробраться в дом и переодеться. У меня осталась пара отличных слаксов, все другие износились. Но платья я не надевала с самой войны. И потом, на дерево в юбке лезть труднее. Да, поступлю компромиссно: надену хорошие слаксы.

24 мая

Это мужчина, всего один.

Утром все пошло по плану. Я надела слаксы, взяла свою двадцатидвушку и бинокль. Забралась на дерево – и увидела его на дороге. Как он выглядит, толком не разглядела – на нем какой-то зеленоватый костюм, вроде пластиковый. Он закрывает даже голову, на лице – стеклянная маска. Похоже на гидрокостюм, только свободнее и более громоздкий. Как и у аквалангиста, за спиной баллон с воздухом. Одно могу сказать точно: это мужчина, хотя я и не видела его лица – просто по росту и по походке.

Теперь понятно, почему он идет так медленно: у него тележка размером с большой чемодан на двух велосипедных колесах, покрытая тем же зеленым пластиком. Тяжелая: затаскивая ее на холм Бёрден, он останавливался отдыхать каждые несколько минут. До вершины ему еще около мили.

Мне надо решить, что делать.

Три

По-прежнему 24 мая

Сейчас ночь.

Он в моем доме.

Или, возможно, не прямо в нем, но около, в маленькой пластиковой палатке. Не могу точно сказать: слишком темно, не видно. Я смотрю из пещеры, а костер, который он развел в нашем дворе из моих дров, прогорел.

Мужчина перевалил через холм Бёрден сегодня во второй половине дня. Я вернулась к наблюдениям, перекусив и переодевшись обратно в джинсы. Решила пока не показываться ему на глаза – передумать всегда успею.

Я все гадала, что же он будет делать, когда достигнет вершины. Он, наверное, был не совсем уверен, что подходит к месту, где сохранилась жизнь. Как я уже говорила, с перевала на хребте видно зелень, но не очень хорошо – издалека. А, может быть, он уже не раз так обманывался, может, и сегодня думал, что это мираж.

Когда дорога взбирается на вершину холма, она некоторое время идет по ровному месту – ярдов сто, пока не начинает спускаться в долину. Пройдя половину этого отрезка, можно увидеть сразу все: реку, дом с сараем, деревья, пастбище – все. Для меня это было самой красивой картиной, когда я куда-то уезжала, наверное, потому, что каждый раз я видела ее, возвращаясь домой. Сейчас, весной, эта картина написана молодой зеленью.

Дойдя до вершины, незнакомец замер. Выпустил ручки тележки и просто стоял и смотрел, наверное, целую минуту. Потом побежал по дороге вперед, неуклюже размахивая руками в пластиковом костюме, подбежал к дереву на обочине, притянул ветку и, сорвав несколько листьев, рассматривал их, поднося вплотную к стеклянной маске. Не иначе, проверял: «Они настоящие?»

Я наблюдала за ним с лесной тропинки примерно на полпути к вершине холма, с ружьем за спиной. Не зная, насколько хорошо он слышит в маске, я не шевелилась и не издавала ни звука.

Внезапно он потянулся к маске, к застежкам на шее, словно собирался снять ее. Я глядела во все глаза: наконец-то смогу увидеть его лицо, но он вдруг замер и побежал обратно к тележке. Отщелкнув пластиковое покрытие с одного конца чемодана, он приподнял его, залез внутрь и вытащил стеклянную штуку – трубку с металлическим прутом, похожую на большой градусник. На нем была какая-то шкала – я не могла точно определить из своего укрытия, но он поднял ее к маске и медленно поворачивал, не отрывая взгляда. Потом пошел обратно к дереву, глядя на прут, прижал его к асфальту, потом поднял в воздух. И снова вернулся к тележке.

Он вынул другой прибор, похожий на первый, только больше, и достал черный наушник со свисающим проводком. Вставив провод в прибор, человек засунул наушник под маску. Я знала, что он делает: проверяет один прибор другим. Понимала я и что это: читала про них, хотя и никогда не видела, – счетчики Гейгера для определения радиации. Он спускался по дороге – на сей раз долго, около полумили, глядя на один прибор и слушая другой.

А потом снял маску и закричал.

Это так меня напугало, что я подпрыгнула и побежала. Потом остановилась – он кричал не на меня, это был вопль радости: долгое «Хе-э-эй», как на футбольном матче. К счастью, он не заметил движения в кустах. Крик эхом разнесся по долине, а я стояла совершенно неподвижно, только сердце продолжало сильно-сильно биться. Как же давно я не слышала никакого голоса, кроме собственного, когда изредка пела.

Услышав тишину в ответ, он сложил руки рупором и крикнул снова, очень громко:

– Есть кто-нибудь?

Снова эхо. Когда оно отзвучало, неожиданно стало гораздо тише, чем было раньше. К тишине так привыкаешь, что перестаешь ее замечать. Но его голос был приятным, звучным. На мгновение я даже передумала: на меня внезапно накатило нестерпимое желание сбежать вниз, продравшись сквозь заросли, и закричать: «Я здесь!» Мне хотелось плакать и гладить его лицо. Но я вовремя спохватилась и замерла. Глядя в бинокль, я видела, как он повернулся и пошел к повозке, а его маска болталась сзади, словно капюшон.

У него борода, длинные темные волосы, но больше всего мне бросилось в глаза, какой он бледный. Я привыкла к собственному загару, а он похож на фотографии шахтеров, целый день работающих под землей. Его лицо, насколько я разглядела, узкое и длинное, с довольно большим носом. Длинные волосы, борода и белая кожа придают ему немного страшный, но и – надо признать – довольно романтический вид. И не очень здоровый.

Он вернулся к тележке, часто оглядываясь через плечо на мой дом. Полагаю, думал, что кто-то может быть там, просто не услышал его издали. Верно: от вершины холма до дома почти миля. Человек убрал один счетчик в чемодан, а затем неожиданно достал ружье и положил сверху, чтобы было под рукой. Второй счетчик – тот, что с наушником, – оставил. Наконец, взялся за ручки тележки и начал спускаться, поставив на крутом склоне тележку впереди себя, чтобы она тянула его вниз. Через каждые футов пятьдесят он поворачивал тележку боком, останавливался и слушал счетчик. И еще два раза кричал.

Двигаясь так медленно, он только к пяти вечера (по моим часам) достиг подножия холма и только в сумерках – моего дома. Я прошла лесной тропинкой к пещере, где сижу и сейчас, и наблюдала за ним в бинокль.

Добравшись до дома, он поставил тележку во дворе. Теперь я довольна, что у меня не было времени косить газон – прошлым летом я решила даже не пытаться, поэтому теперь трава выросла по колени, и в ней полно сорняков. Затем он повел себя странно: двигаясь с великой осторожностью, не пошел к двери, а стал обходить дом, из-за угла заглядывая в каждое окно, словно боялся или не хотел быть увиденным. В конце концов, подошел к двери и снова крикнул:

– Есть кто-нибудь?

На этот раз гораздо тише, словно уже понимал, что ответа не дожидается. Это явно был не первый дом на его пути. Не постучав, он отворил дверь и вошел внутрь. Теперь настала *моя* очередь нервничать. Не оставила ли я чего-нибудь? Полведра свежей воды? Яйцо на полке? Множество вещей промелькнули в голове, и любая могла сразу же выдать меня. Но я знала: я предусмотрела все.

Минут через двадцать он вышел, несколько озадаченный. Постоял в дверях, задумчиво глядя на дорогу. Пошел было к ней, но потом вдруг передумал. Наверное, собирался пойти к церкви и магазину. От дома их не видно, но он видел их с вершины холма и знал, где они. Но, поглядев в небо – солнце уже село и стужались сумерки, – вернулся к тележке, откинул пластик и достал несколько вещей, среди прочего объемистый сверток, оказавшийся палаткой.

Он явно видел из окна кухни дровяной сарай, потому что, поставив палатку, обошел дом и принес дров для костра. Разведя его, достал из тележки еще что-то: что именно, в свете пламени было уже не рассмотреть, но, очевидно, еду на ужин. Поев, долго сидел у медленно угасающего пламени.

Потом, как я уже сказала, уже почти ничего нельзя было разглядеть, но думаю, он залез в палатку и сейчас, видимо, спит. Мог бы лечь и в доме, но, вероятно, не доверяет ему. Полагаю, эта зеленая пластиковая штука – из которой сделаны его костюм, палатка и покрытие для тележки – каким-то образом задерживает радиацию.

Теперь я пойду в пещеру и посплю. Мне все еще страшно. Но как же, оказывается, все-таки здорово – знать, что в долине есть еще кто-то.

25 мая

Кажется, он допустил ошибку. Не уверена. И, если это так, не знаю, насколько серьезную. Мне не по себе: ведь я могла бы остановить его, хотя и не понимаю, как. Как не выдать себя при этом.

Когда утром я вылезла из пещеры – очень аккуратно, ползком, вжав голову в плечи, – незнакомец уже проснулся, хотя солнце едва взошло. Он собирался сложить палатку, чтобы убраться обратно в тележку, и тут случилось кое-что непредвиденное.

Сначала откуда-то из-за курятника раздалось кудахтанье квочки, снесшей яйцо. Почти одновременно закукарекал петух, а затем вдалеке, словно откликаясь, замычала корова – громко и протяжно. Незнакомец выронил кастрюлю, которую держал в руках, и вскочил, изумленно вслушиваясь, словно не веря собственным ушам. Чувствуется: он не слышал голосов животных уже очень давно.

Он стоял так около минуты, вслушиваясь, всматриваясь и думая. А потом быстро начал действовать: снова вытащил счетчик Гейгера – маленький – и проверил его. Он все еще ходил в пластиковом костюме, хотя и без шлема. Теперь же потянул завязки на манжетах и стащил перчатки. Покопавшись в чемодане-повозке, вытащил еще одно ружье, большое: как армейская винтовка или карабин, с прямоугольным магазином, торчащим снизу. Осмотрел оружие, но положил обратно и взял из палатки то, что поменьше. Тоже 22-го калибра, как у меня, но самозарядное; у меня – помповое. И пошел к курятнику.

Кур, конечно, там не было, потому что я заперла калитку, выгнав их всех. Но некоторые держались рядом, привыкнув, что здесь их кормят. Там я не могла его видеть: загораживали большие кусты сирени и форсайтии. Но спустя минуту послышался выстрел, а еще через пару минут он вернулся, держа за ноги безжизненную курицу. *Мою* курицу!

Конечно, я его не винила. Не знаю, что за еду он таскает с собой в тележке, но явно там нет свежего мяса, да и вообще чего-либо свежего. Могу себе представить, какой зверский голод пробудила в нем мысль о курице. (Через несколько дней, думаю, я и сама почувствую то же самое.) Но стрелять в домашнюю птицу?! Я еще ни разу после войны ни в кого не стреляла.

Человек положил курицу на крышку чемодана и сразу же, не ошипав и не выпотрошив ее, поспешил по дороге к церкви и магазину – и к коровам, прихватив с собой малое ружье и стеклянный счетчик.

Сегодня, в первый день, я решила не спускать с него глаз, чтобы получше изучить его привычки, поэтому снова пошла знакомой лесной тропинкой, на высоте около двух третей холма. Так я смогу его видеть лучше, чем из пещеры, – когда смотришь оттуда, дорога то и дело исчезает, прячась за деревьями. Я взяла бинокль и свое ружье.

Он увидел коров сразу же, как только обогнул сарай и вышел за изгородь, – они были у пруда, на дальнем поле. Папа раньше выращивал там овес, но, к счастью, прошлой весной заменил его травой в порядке севооборота. Коровы тихо паслись на травке, теленок – между ними. Их не держала изгородь, но, как я и думала, они не уходили далеко от дома. При приближении чужака коровы отбежали, однако недалеко. Они прекрасно отличают одного человека от другого, но обычно не придают этим различиям большого значения.

Мужчина пошел было за ними, но потом передумал и зашагал к берегу пруда. Долго рассматривал воду, сначала с нескольких футов, потом, явно очень заинтересованный, наклонился, почти касаясь лицом поверхности. Я поняла, что он разглядывает рыбешек – они всегда крутятся около берега. Он взял стеклянный счетчик, поднес его к воде, затем погрузил кончик в пруд. Набрал ладонь воды, попробовал на вкус. Она вкусная, я все время ее пью, только выше по течению. Его ликование чувствовалось издалека.

Незнакомец пошел дальше. В церкви провел несколько минут, в магазине задержался гораздо дольше. Не видела, что он делал внутри – обследовал, надо полагать, – но вышел с большой коробкой, очевидно, консервов. Дальше не пошел, после магазина повернул к дому, с явным трудом таща коробку, ружье и счетчик Гейгера.

Один раз по пути он внезапно поставил ящик, поднял ружье и выпалил по придорожным кустам. Наверное, увидел кролика. Их в долине довольно много. Еще есть белки и несколько ворон, которым хватило ума не покидать долину. Другие птицы, по привычке кочуя туда-сюда, вылетали в мертвый мир и погибали. Судя по всему, в кролика он не попал.

Было уже около 11 часов, солнце сильно припекало. В пластиковом костюме и с тяжелым грузом ему было явно очень жарко: он дважды останавливался и ставил ящик на землю. И из-за этого, вернувшись к дому, допустил роковую ошибку: пошел купаться в мертвом ручье, в ручье Бёрден.

Сперва он поставил ящик на свою тележку и стал разгружать его. Как я и думала, большей частью там были консервы. Но еще он взял несколько кусков мыла – я узнала голубую упаковку. Затем, к моему изумлению, снял защитный костюм. Просто расстегнул спереди, спустил штанины с ног и переступил на землю. Под ним он носил какой-то очень тонкий и легкий голубой комбинезон, мокрый от пота на руках и спине.

Теперь, вопреки всей своей прежней осторожности, он повел себя на удивление беспечно. Не зная толком географии долины, решил, что перед ним тот же ручей, в котором он видел рыбок. Что их два, он не знал. Вспотев за утро – и, наверное, вообще уже давно не мывшись, – схватил мыло и побежал через дорогу. Там снял комбинезон и прыгнул с громким плеском в воду. Если бы ему не так не терпелось помыться, он, наверное, обратил бы внимание, что в ручье нет рыбы и что трава вдоль него пожухла на два фута от берега. Многие деревья, растущие около ручья, тоже умирают. Но он смотрел только на кусок мыла.

Я писала, что не знаю, насколько смертельна эта ошибка. Просто потому, что не знаю, что не так с водой в этом ручье. Ниже по течению он сливается с ручьем из пруда, и получившаяся речка вытекает через ущелье. После слияния вода по-прежнему мертвая – я проверяла многократно, думая, может быть, спустя столько времени вода в ручье Бёрден станет нормальной. Но ни одна рыба туда не заплывает, а если заплывает, то гибнет и ее уносит течением.

Возможно, если бы он взял свой счетчик, то обнаружил бы, что вода радиоактивна. А может, и нет. По радио под конец войны говорили, что противник использует нервнопаралитический газ, бактерий и «другое оружие массового поражения». Так что в ручье может быть все что угодно. Я могу лишь ждать и наблюдать. Надеюсь, это не убьет его.

Четыре

Все еще 25 мая

Снова ночь, я в пещере с одной зажженной лампой.

Невероятно, но Фаро вернулся. Как это возможно, я не знаю. Где он был? Как жил? Выглядит ужасно: тощий, как скелет, на левом боку вылезла половина шерсти.

Кажется, я уже писала, что Фаро – собака Дэвида. Он приехал с Дэвидом, когда Дэвид переехал к нам, около пяти лет назад, осиротев после смерти отца (его мама умерла, когда он родился). Между Джозефом и Дэвидом было всего полгода разницы, поэтому они стали очень близкими друзьями – на самом деле все мы трое были очень близки. Но Фаро всегда был собакой Дэвида: никогда не шел ни с кем из нас, если не шел Дэвид. Он был – в смысле есть – сеттером, хотя и нечистокровным, и обожал охотиться. Когда мы шли на охоту, или даже просто увидев ружье, Фаро так возбуждался, что невозможно было поверить, будто он способен замереть в стойке. Но он делал стойку, и великолепно.

В общем, когда Дэвид уехал с моими родителями, а чуть позже исчез и пес, я решила, что он побежал искать хозяина через ущелье и пропал в мертвом мире. (Он обычно пытался бежать за грузовиком, если Дэвид уезжал, и его приходилось привязывать.) Должно быть, Фаро жил в лесу около ущелья, питаюсь тем, что удавалось поймать.

Полагаю, он услышал выстрелы, и это привело его обратно. Я следила за временем. Это случилось около 1.30 – мужчина достал из чемодана нож, выпотрошил курицу и теперь, в своем голубом комбинезоне (пластиковый костюм он больше не надевал) готовил ее на самодельном вертеле. Пес подошел очень осторожно и стоял на краю переднего двора, наблюдая и принохиваясь. Подняв глаза и увидев собаку, человек перестал крутить вертел и замер. Потом сделал шаг в сторону Фаро – тот попятился. Тогда человек наклонился, похлопал себя по ноге, свистнул и сказал что-то. Я слышала свист, но не разобрала слов. Ясно, что он звал Фаро: хотел подружиться. Снова шагнул вперед, и Фаро снова отбежал, держась на том же расстоянии.

Человек махнул рукой и вернулся к костру. То есть, конечно, он только сделал вид, что сдается, – это было видно. У него был план, довольно простой, и он нет-нет да поглядывал на собаку, проверяя, там ли она. Спустя несколько минут, приготовив курицу, он ушел в дом и вернулся с двумя тарелками (моими!). Отрезал большой кусок курицы и открыл банку из магазина: что-то мясное. Выложив курицу и мясо на тарелку, он отнес ее, ступая без резких движений, на край двора – туда, где первый раз появился пес, – и оставил.

С видимой беззаботностью вернувшись к вертелу, он разрезал курицу и съел ее вместе с какими-то сухарями или галетами из тележки. (Я могла бы угостить его свежим кукурузным хлебом.) Мужчина быстро умял всю курицу, поглядывая при этом на собаку краем глаза. Фаро крался к пище, глядя на человека, на тарелку, снова на человека, пока, наконец, не добрался до цели. Стоя как можно дальше, вытянул шею, схватил курицу и отбежал футов на пятьдесят. Заглотив ее в два укуса, пес вернулся за мясом и стянул его тем же способом.

Поев, пес снова подошел к тарелке, вылизал ее, а затем начал медленно обходить двор, обнюхивая его, по-прежнему держа человека на расстоянии. Дважды обойдя вокруг дома, Фаро, к моему ужасу, завилял хвостом, как всегда делал, идя по следу, и пошел вверх по склону к пещере – он взял *мой* след.

Чужак, не отрывавший от него взгляда, громко присвистнул и пошел за ним. Но пес быстро скрылся в зарослях и через пару метров мужчина сдался. На мое счастье между домом и пещерой много деревьев и кустов, так что уверена: он быстро потерял собаку из виду. Я отползла в глубь пещеры, и через две минуты Фаро, подпрыгивая, залез ко мне.

Бедный песик! Вблизи он выглядит еще ужаснее, чем в бинокль. Он дважды коротко скрипуче твякнул и побежал ко мне. Но я испугалась: если он будет крутиться рядом, то неизбежно выдаст меня. Я не знала, что делать, боялась оказаться слишком ласковой. Я прошептала «Хороший Фаро», но не обняла его, как хотела бы. Да и, если говорить честно, хотя мы были с ним очень дружны, он прибежал не ко мне. Фаро бывал в пещере тысячи раз, играя с нами, и теперь обнюхивал каждый уголок в поисках Дэвида. Не найдя хозяина, пес через несколько минут бросился к выходу и направился обратно к дому.

Это меня обеспокоило, потому что он побежал к человеку и к тарелке, к еде. Если незнакомец подружится с Фаро и тот станет приходить на свист, как к Дэвиду, то человек сможет удерживать его рядом с собой, и Фаро приведет его к пещере.

Понимаю, я выгляжу глупо, так боясь этого. Но я не знаю, что на уме у незнакомца. Как правило, люди мне нравились. У меня было много друзей в школе. Но их я выбирала сама. Было несколько человек, которые мне не нравились, и еще больше – кого я просто не знала. Возможно, этот мужчина – единственный, оставшийся на Земле. Но я его не знаю. А что если он мне не понравится? Или, хуже, я не понравлюсь ему?

Почти год я была одна. Я надеялась и молила Бога, чтобы кто-нибудь пришел ко мне, кто-нибудь, с кем можно было бы поговорить, вместе работать и вместе планировать будущее нашей долины. Я мечтала, чтобы это оказался мужчина, чтобы однажды в будущем – это мечты, знаю, – в долине снова появились бы дети. Однако теперь, когда мужчина пришел, я понимаю, какими наивными были мои надежды. Люди разные. Тот человек с радио, борющийся за выживание, видел людей отчаявшихся и эгоистичных. Этот незнакомец больше и сильнее меня. Если он добрый, все хорошо. А если нет – что тогда? Он станет делать, что хочет, а я окажусь рабыней до конца своих дней. Вот почему мне хочется выяснить – насколько это возможно, наблюдая с расстояния, – что он собой представляет.

Когда Фаро ушел, я подползла обратно к выходу из пещеры и снова стала наблюдать за домом. Человек держал в руке ножницы, установив перед собой маленькое зеркальце, и стриг волосы и бороду. Это заняло у него много времени, он подстригся очень коротко. Должна признать, стрижка пошла ему на пользу: он стал почти красавцем, хотя сзади получилось криво.

26 мая

Сегодня солнечно, как вчера, только еще теплее. По моему календарю (он у меня с собой, вместе с будильником) воскресенье. Обычно это значило бы, что сегодня я с утра пойду в церковь и остаток дня постараюсь отдыхать. Иногда я ходила на рыбалку: отдых с пользой для дела. С собой в церковь я брала Библию и, весной и летом, цветы – положить на алтарь. Я не изображала настоящей службы, конечно, но садилась и прочитывала что-нибудь из Писания. Иногда по выбору – мне нравятся Псалмы и Экклезиаст, а иногда раскрывала книгу в случайном месте. В разгар зимы я в церковь не ходила: сидеть было слишком холодно.

Впрочем, в нашей церкви никогда не было настоящей службы, по крайней мере в мое время, – не было священника. Она очень маленькая и построена давным-давно кем-то из наших предков – «древним Бёрденом», как говорил папа, – когда они только поселились в долине и, видимо, рассчитывали, что здесь появится деревня. Но она так и не появилась – долгие годы сюда не было дороги, только тропинка; дорога заканчивалась за Огдентауном на перекрестке. На службу мы ездили в город.

Сегодня утром обо всем этом, конечно, и речи не было. Рано встав, мужчина быстро и деловито готовил завтрак, все также на костре перед домом. У него явно были большие планы, и я вскоре поняла, какие: осмотреть долину и окрестности. Он по-прежнему не знал, куда простирается зелень.

Перед тем, как уйти, он положил немного мясных консервов Фаро. Самого пса нигде не было видно, но, как только человек вышел на дорогу, Фаро выскочил из дровяного сарая, где провел ночь, вычистил миску и поспешил за ним. Очевидно, ему до смерти хотелось сопровождать человека с ружьем, но он все еще не решался. Пройдя около сотни ярдов, пес повернул назад, еще раз обнюхал миску и улегся неподалеку от палатки.

Я следовала за незнакомцем, пользуясь все той же лесной тропой. Рано или поздно он найдет и ее, тогда мне придется перебраться на другой склон долины, а также быть предельно внимательной, поскольку в лесу я не смогу видеть его издалека.

Но сегодня он держался дороги. Он не надевал защитного костюма и налегке шел гораздо быстрее, так что мне пришлось поднапрячься, чтобы поспевать за ним, – тропинка-то не такая прямая, как дорога. А еще приходилось следить за тем, чтобы двигаться беззвучно.

Дойдя до магазина, мужчина зашел внутрь, а когда вышел, я поразились, как он преобразился. Мягкий комбинезон уступил место широким тиковым брюкам цвета хаки, которые очень ему идут, и синей рабочей рубашке, он даже взял новые башмаки и соломенную шляпу. (В общем, оделся, *как я.*) Он действительно выглядел другим человеком, очень приятным. Помимо всего прочего, подстриженный и опрятно одетый, он выглядел гораздо моложе, хотя все равно намного старше меня. Я бы сказала, ему лет тридцать или чуть больше.

Он направился по дороге на юг, к дальнему концу долины, к ущелью. По пути все время с любопытством оглядывался, но почти не замедлял хода, пока не дошел до трубы под дорогой. В том месте ручей, вытекающий из пруда, попетляв по лугам, наталкивается на возвышенность (начало конца долины, как я понимаю) и поворачивает направо, чтобы слиться с ручьем Бёрден.

Тут он остановился. Думаю, впервые осознал, что ручьев два и что пруд образован *не тем* ручьем. И что разница между ними бросается в глаза. Я сама смотрела много раз. До последних нескольких футов в маленьком ручье есть жизнь: рыбки, головастики, водомерки и зеленый мох на камнях. В ручье Бёрден нет ничего, а после слияния река до ущелья и дальше совершенно безжизненна.

Я не уверена, что незнакомец все это заметил, но он долго разглядывал воду, опустившись на четвереньки. Если он увидел, что река мертвая, то, должно быть, забеспокоился. Возможно, именно в это время он начал чувствовать приближение болезни.

Тем не менее, обеспокоившись или нет, он через несколько минут вскочил и пошел дальше, так же быстро, как и раньше. Еще через пятнадцать минут он дошел до конца долины и начала мертвой земли за нею. Дорога там ведет сквозь ущелье к фермам амишей.

Он этого, конечно, видеть не мог. По правде говоря, если не знаешь, ни за что не поверишь, что на юге из долины есть выход. Ущелье имеет форму буквы S, и, пока не дойдешь до поворота, можно подумать, что сейчас упруешься в сплошную стену скал и деревьев. Но дорога (и речка за нею) неожиданно поворачивает вправо, влево и снова вправо, следуя за узким каньоном, прорезающим хребет, словно туннель.

С другого конца долину закрывает холм Бёрден, и в результате она полностью отрезана от мира. Люди говорили, что у нас даже погода своя: ветры извне сюда не задувают.

Когда чужак вошел в ущелье, я потеряла его из виду – с холмов туда никак не заглянуть. Но дорога идет по нему всего пару сотен ярдов, поэтому я знала, что он скоро возвратится – как только увидит мертвую землю за пределами долины. Он не пойдет туда без своего костюма.

Я села на солнышке, ожидая его, и любовалась картиной, расстилавшейся подо мной: прямой нитью узкой черной дороги и речкой, игриво вьющейся вдоль нее; другим склоном долины, таким близким здесь, отлого поднимающимся среди лесов; большими дубами и буками с толстыми ветками, подведенными черными тенями. Еще выше располагается

высокий скальный выход, серый утес. Мы на него лазили, он не так уж крут, как кажется издалека. Было уже около одиннадцати, стало очень тепло, за моей спиной гудели пчелами ежевичные кусты, сладко пахнувшие на пике цветения. В такие минуты я тоскую по певчим птицам.

Незнакомец, должно быть, постоял некоторое время в конце ущелья, отдыхая или изучая, потому что вышел назад только минут через двадцать. Шел он теперь заметно медленнее.

Это случилось примерно на полпути к дому: он остановился, осел на дорогу и его жестоко вырвало. Он сидел так, мучимый рвотой, держась за бок, несколько минут. Потом поднялся и пошел дальше.

Так повторилось три раза, и после третьего он уже еле передвигал ноги, волоча за собой ружье. Доползя до палатки, он залез внутрь и больше не показывался. Фаро в конце концов подошел, обнюхал вход в палатку и даже слегка взмахнул хвостом, а потом пошел и сел у пустой миски.

Но человек не покормил его. Не разжег костра и ничего не ел на ужин. Но, может быть, утром ему станет лучше?

Пять

27 мая

Я пишу утром, после завтрака. Сажу у входа в пещеру с биноклем, высматриваю в доме или палатке признаки жизни. Пока никаких, только собака снова пришла к палатке, повиляла хвостом и посидела в ожидании минуту-другую. Когда ничего не произошло, Фаро побежал ко мне. Бедный песик. Он был голоден, а теперь, дома, рассчитывал, что его покормят. В магазине полно собачьего корма, но, конечно, не здесь, так что я дала ему кусок кукурузного хлеба и немного рагу из банки. Сегодня я позволила себе как следует ему обрадоваться, поскольку по крайней мере прямо сейчас могу не беспокоиться насчет незнакомца. Я погладила его, поговорила с ним. Поев, он лег рядом со мной у входа и положил голову мне на ногу. Очень трогательно: он вел себя так только с Дэвидом, ни с кем больше. И все же, спустя всего несколько минут, Фаро вскочил и побежал вниз к дому, где снова уселся перед входом в палатку. Хотя он любит меня, кажется, за хозяина признает незнакомца.

Но человек так и не вышел из палатки.

Я понимаю, что он болен, но насколько сильно, не знаю. И поэтому не знаю, что делать. Может быть, ему лишь слегка нездоровится и он решил отлежаться.

А может, ему настолько плохо, что он не может подняться. А может, вообще умирает.

Прошлой ночью я бы не подумала, что это будет так меня волновать, но сегодня я переживаю. Все началось со сна, который я видела перед тем, как проснулась. То был один из тех снов, что больше похожи на грезы наяву, у меня бывают такие, когда я полусплю-полудремлю. И даже отчасти понимаю, что смотрю сон, и потому в каком-то смысле сама его придумываю, но, поскольку отчасти все-таки сплю, он все равно выглядит как настоящий. Так вот, мне снилось (или я воображала в полудреме), что это мой папа болеет в палатке и что вся семья снова здесь, дома. Я почувствовала себя такой счастливой, что у меня перехватило дыхание и я проснулась.

Я лежала, понимая, что все не так, но начинала понимать и еще кое-что. Мне казалось, я привыкла быть одна, свыклась с мыслью, что навсегда останусь в одиночестве, но я врала сама себе. Теперь, когда рядом есть другой человек, думать, что все станет как прежде, что долина снова станет пустой – и теперь уже навсегда, несомненно, – так ужасно, что я не могу этого вынести.

Поэтому, хотя человек и не знаком мне, и я его побаиваюсь, мне страшно за него, и мысль, что он может умереть, повергает меня в отчаяние.

Я пишу это отчасти для того, чтобы расставить все по местам у себя в голове, чтобы помочь себе решиться. Думаю, вот как я сделаю: подожду еще до вечера. Потом, если он по-прежнему не выйдет из палатки, спущусь вниз, пока светло, и тихонько посмотрю, как он. Возьму с собой ружье.

28 мая

Я снова дома, в собственной комнате.

Мужчина – в палатке, в основном спит, и так слаб, что не может встать. Он едва понимает, что я рядом.

Вчера под вечер, в 4 часа, я, как и решила, взяла ружье и медленно и тихо, все время прислушиваясь, стала обходить дом, подкрадываясь к палатке. Услышав любой подозрительный звук, я бы, пригнувшись, постаралась убежать, пока меня не увидели. Когда я вышла на лужайку перед домом, собака поскакала меня встречать. Я боялась, что она залает, но Фаро лишь обнюхал мои ноги, повилял хвостом и стал выжидательно глядеть на меня. Подкрадываясь к палатке, я заглянула внутрь. Входной клапан бессильно болтался, не застегну-

тый. Внутри было темно, сперва я разглядела только его ноги. Подобравшись поближе, засунула голову внутрь и дала глазам привыкнуть к темноте. Он лежал на спальном мешке, полуприкрывшись им, с закрытыми глазами, головой в луже подсохшей рвоты, дышал часто и поверхностно. Рядом лежали опрокинутая бутылка из-под воды из зеленого пластика и открытый пузырек с большими белыми таблетками, часть которых тоже рассыпалась по полу.

До конька палатки было всего четыре фута². Я встала на колени и забралась внутрь лишь настолько, чтобы дотянуться до руки, лежавшей поверх спальника. Запах ужасный. Рука была сухой и пылала жаром. Едва я коснулась ее, Фаро, просунув нос в палатку, заскулил, и сочетание звука и прикосновения заставило мужчину открыть глаза.

– Эдвард, – позвал он. – Эдвард?

Он не смотрел на меня, а если и смотрел, то не видел, но думаю, разглядел мое ружье, которое я все еще держала в руках, потому простонал:

– Пули... Это не остановит...

Не закончив, он вздохнул и снова закрыл глаза. Он явно бредил, его голос звучал хрипло – горло и рот воспалились.

– Вы больны, – сказала я. – У вас высокая температура.

Он застонал и пробормотал, не открывая глаз:

– Воды. Пожалуйста, дайте воды.

Я догадалась, что случилось: до того, как он окончательно обессилел, мужчина успел открыть бутылку воды и пузырек с таблетками. От слабости или, уже плохо соображая, он опрокинул их, а набрать новой воды у него больше не было сил.

– Хорошо, – успокоила его я, – я принесу вам попить. Это займет несколько минут.

Я схватила ведро на кухне и понеслась к ручью, к месту, где он впадает в пруд – там вода чище всего. Пока вернулась, успела вспотеть и запыхаться: зачем-то зачерпнула полное ведро. Взяв в доме чашку, я наполнила ее до половины.

Он опять спал, и мне пришлось потрясти его за плечо:

– Вот, попейте.

Он хотел приподняться, но не мог, даже на локте, и, пытаясь взять чашку, уронил ее. Я снова наполнила ее, но теперь держала ее сама и немного приподняла ему голову. Мужчина судорожно проглотил воду, он действительно страдал от жажды.

– Еще! – прохрипел он.

– Не сейчас. Иначе вас снова вырвет.

Я не большой знаток медицины, но уж это-то знаю. Мужчина откинулся на спальник и мгновенно заснул.

По правде говоря, я не умею ухаживать за больными. Конечно, я помогала маме ухаживать за Дэвидом или Джозефом, когда они заболели (гриппом, ветрянкой и прочим), но никто у нас никогда не болел так тяжело. С другой стороны, никого лучше у него нет, так что попытаюсь.

Я принесла тряпку и, потратив часть воды, как могла, убралась около его головы. Дала ему чистые подушку и одеяло. Собрала таблетки – те, что остались чистыми, – в пузырек, закрыла его и прочитала этикетку: какой-то «Цистамин»³. Единственное лекарство, которое есть у меня (и в магазине) – это «Аспирин» и немного жаропонижающих. Да и будь у меня их больше, я бы все равно не знала, что давать.

Я подумала, что поскольку от воды его не вырвало, возможно, стоит дать ему поесть. Но что? Остановилась на супе, курином бульоне – мама всегда варила его нам, когда мы забо-

² 1,2 м.

³ Радиопротектор. Принимать его положено до предполагаемого облучения, в крайнем случае – сразу после.

левали. Уходя в пещеру, я оставила немного консервов в доме (это бы выглядело странно, если бы их совсем не оказалось), но супа среди них не было, поэтому пришлось идти в магазин. Там я прихватила еще кое-что; мне пришло в голову, что, возвращаясь в дом, стоит загрузить в пещеру запас еды, на всякий случай. Поэтому пришлось тащить довольно тяжелый груз, и к тому времени, как я вернулась и разожгла огонь, уже почти стемнело.

Принеся ему суп, я, к своему удивлению, обнаружила, что больному стало немного лучше. Он не спал и, когда я вошла, изумленно уставился на меня и даже с огромным усилием сумел приподняться на локте. А потом заговорил со мной, первый раз в ясном сознании.

– Я не знаю, где я, – пожаловался он слабым голосом. – И кто вы?

– Вы в долине, – ответила я. – И вы больны.

Я поставила суп рядом с ним и собралась кормить его с ложечки.

– Долина, – пробормотал он. – Теперь вспоминаю. Зеленые деревья. Но здесь никого не было. – Он снова откинулся на подушку.

– Я была здесь, – поправила его я. – Просто пряталась в лесу. (Я предпочла не говорить о пещере.) Потом увидела, что вы больны, и подумала, вам нужно помочь.

– Болен, – подтвердил он. – Да, очень болен.

– Я приготовила вам супу. Постарайтесь поесть.

Он попытался, но его рука была такой слабой, что он лишь расплескал суп, так что в конце концов его кормила я. Съев семь ложек, он сказал:

– Хватит. Тошнит.

И тут же заснул снова. Однако, думаю, даже эта капелька супа помогла ему: он спал спокойнее и дышал не так часто. Я захватила из дома градусник, чтобы измерить температуру, но решила, что это может подождать до утра. Пощупала ему лоб – горячий, как печка. Вблизи, в полумраке палатки, он выглядел особенно болезненно.

Я сходила в пещеру, забрала будильник, календарь, лампу, дневник и прочее и вернулась в дом. Поставила будильник на полночь, потом, когда он прозвонил, на два часа, потом на четыре. Каждый раз выходила с фонариком к палатке – проверить. Однажды он проснулся и снова попросил воды; я дала ему полкружки. Остальное время спокойно спал.

Этим утром я крошила немного оставшегося кукурузного хлеба в молоко и принесла ему на завтрак. (Пришлось развести порошковое, потому что коровы все еще на воле. Надо будет поймать их и привести обратно. И кур.)

На этот раз он выглядел намного лучше. Глаза ожили, глядели ясно. Он поблагодарил меня за хлеб и молоко и смог сам держать ложку. Поев, даже сел на мгновение, но потом лег обратно и сказал:

– Мне надо узнать, отчего я заболел.

– Полагаю, оттого, что искупались в ручье Бёрден, – ответила я.

– Ручей Бёрден?

– Тот, что за дорогой.

– Ты знаешь?

– Я смотрела – издали.

– Ты знаешь, что там с водой?

– В ней никто не живет. Но почему – не знаю.

– Это я понял. Но не тогда, когда купался. Как глупо: так расслабиться после столь долгого времени! Но я не купался целый год. Слишком хотелось. И все равно нужно было проверить. Но та вода в пруду была нормальной, и я думал...

Он остановился и лежал некоторое время молча. Потом заговорил:

– Можно узнать и сейчас. Не могла бы ты...

– Что?

– Знаешь, как выглядит счетчик Гейгера?

- Эти ваши стеклянные трубочки.
- Да. Умеешь им пользоваться?
- Нет. Никогда не приходилось.

Я принесла меньшую из двух трубок из его чемодана с колесиками, и он показал мне шкалу на одном конце с маленькой стрелочкой, дрожавшей при каждом движении, словно стрелка компаса. На шкале были числа от 0 до 200. Я пошла с ней через дорогу к ручью. В палатке и на дороге стрелка стояла на 5, но у берега поползла вверх. Держась как можно дальше, я поднесла ее на фут к воде. Стрелка прыгнула на 180, почти до упора. А он заходил *в воду!* Неудивительно, что ему так плохо. Не задерживаясь, я поспешила обратно.

Когда я сказала ему показания прибора, он застонал и закрыл глаза рукой.

– Сто восемьдесят! – воскликнул он. – А я плескался по меньшей мере десять минут. О Боже, я получил рентген 300, а то и больше!

- Что это значит? – решила спросить я.
- Что у меня лучевая болезнь. Очень тяжелая.
- Но вам уже лучше.
- Это такая стадия.

Он много знает о лучевой болезни, очевидно, занимался ею еще до войны. На первой стадии поражается кишечник, она длится около одного дня, потом наступает временное улучшение. Однако радиация вызывает, как он сказал, внутриклеточную ионизацию, и это по-настоящему плохо. Это значит, что некоторые молекулы в его клетках повреждены, поэтому клетки не могут больше нормально работать, не могут расти и делиться. Вскоре: через день-другой – ему станет намного хуже. Поднимется очень высокая температура, а поскольку клетки крови повреждены и новые не образуются, у него начнется анемия. Хуже всего, что у него не будет иммунитета к инфекции, он будет очень восприимчив к воспалению легких или даже к малейшей грязи в воде или пище.

– Насколько плохо вам станет? – спросила я, имея в виду, конечно, но не желая говорить этого, «умрете ли вы?». Он понял.

– Знаешь, что такое рентген? Это единица измерения дозы радиации. Если я получил 300 рентген в той речке, то могу еще выжить. Но если 400-500 – случай безнадежный.

Он сказал это очень будничным тоном, спокойно. Мне кажется, у меня была бы истерика. Однако я пыталась тоже оставаться спокойной и деловитой, поэтому заставила себя сказать:

– Пока вам лучше, расскажите поподробнее, что мне делать. У вас есть лекарства, которые надо принимать? Чем вас кормить?

Он посмотрел на пузырек с таблетками, лежавший на полу.

– Эти не помогут, теперь уже поздно. Нет, лекарства нет. В больницах делают переливания крови и кормят через капельницу.

Я не смогу этого сделать, конечно. То есть я почти ничего не могу для него сделать, пока не увижу, как развивается болезнь. Единственное, в чем он, кажется, сейчас уверен – что у него будет очень высокая температура и анемия. Вероятно, хотя и не обязательно, разовьется какая-то инфекция, типа воспаления легких или дизентерии. В моей власти этого не допустить. Буду проваривать и стерилизовать все, что и из чего он ест, – как младенцу. Когда пригоню обратно коров и кур, смогу давать ему молоко и яйца, они питательные и легко усваиваются.

А если завтра у него хватит сил немного пройти, постараюсь перевести его в дом. Он может спать в комнате Джозефа или Дэвида, на кровати. Дома будет суше и теплее, да и мне легче за ним ухаживать.

Только сейчас я поняла, что за всем этим даже не спросила, как его зовут.

Шесть

29 мая

Его зовут Джон Р. Лумис, он химик из Итаки, в штате Нью-Йорк, из Корнельского университета. Бывшего.

Сегодня утром ему было гораздо лучше – настолько, что я даже начала сомневаться, что ему действительно вскоре станет плохо. Но он говорит, это обычное явление при лучевой болезни. Судя по всему, он действительно специалист в этом деле. Поэтому, собственно, и жив до сих пор, и сумел добраться досюда.

Я проснулась рано утром, такая счастливая от мысли, что теперь у меня есть с кем поговорить, пусть даже он и болен. Я принесла еще воды, нагрела ее в камине и приняла ванну – давненько так не делала. (Чтобы принять ванну, сначала надо натаскать в нее теплой воды. Гораздо легче помыться ковшиком – достаточно двух ведер.) Затем надела свои лучшие слаксы. В конце концов, у меня теперь есть компания, и я подумала, что надо бы одеться попримечнее. Поначалу, посмотрев в зеркало, я даже немного смутилась, но лишь потому, что давно уже привыкла к простым мужским джинсам.

Прошлой ночью, перед тем как лечь спать (снова в собственной комнате), я пошла на птичий двор, открыла калитку и разбросала немного кукурузных зерен по земле. Утром, одевшись, проверила птичник. Ну конечно, куры вернулись и даже снесли три яйца. Я сварила их, обжарила остатки кукурузного хлеба, приготовила кофе и открыла банку томатного сока. Получился неплохой завтрак. Поставила все на поднос, да еще банку малинового варенья в придачу, и понесла его в палатку. Солнце только-только вылезло из-за хребта на востоке, то есть было около 8.30. В долине каркала пара ворон. Я была счастлива и взволнованна.

К моему удивлению, он сидел у входа в палатку.

– Вам лучше, – обрадовалась я.

– На время, – уточнил он. – Но, по крайней мере, думаю, я могу что-нибудь съесть.

Я поставила перед ним поднос, он изумленно уставился на него.

– Потрясающе! – прошептал он.

– Что?

– Все. Свежие яйца. Тост. Кофе. Эта долина. Ты, совершенно одна. Ты ведь одна?

Этот вопрос был явно ключевым, и незнакомец выглядел немного подозрительным, задавая его, словно я, или кто-то другой, могла его обманывать. Но мне уже не имело смысла притворяться.

– Да.

– И ты умудрилась выжить одна и развести несušек и коров?

– Не так уж это и трудно.

– А долина? Как она уцелела?

– Этого я и сама толком не понимаю. Но люди всегда говорили, что у нас в долине своя собственная погода.

– Метеоанклав. За счет инверсии... Хм, теоретически такое возможно. Но вероятность...

Я прервала его:

– Вы лучше ешьте – остынет.

Если вскоре ему будет так плохо, что он не сможет есть, лучше пусть наестся впрок и запасется силами. Что же до нашей долины, я много размышляла о ней, особенно в первые месяцы, когда ожидала, что мертвая зона будет расширяться и наступать на нее. Но этого не происходило. А вообще-то немного странно было слышать о «теоретической вероятности»

от человека, уже находящегося здесь. Впрочем, тогда я еще не знала, что он химик, ученый. А ученые не могут просто принять вещи такими, как есть, им обязательно надо объяснить их.

Он съел свой завтрак, а потом, все еще сидя, представился. Я, разумеется, тоже.

– Энн Бёрден, – повторил он. – А что, в долине не было других людей?

– Моя семья, – ответила я. – И владельцы магазина, мистер и миссис Кляйны.

И я рассказала ему, как они уехали и уже не вернулись. А еще про амишей и про то, что папа увидел в Огдентауне.

– Полагаю, они слишком много ездили, – сказал он. – Знаю, трудно удержаться, особенно поначалу. Все надеешься. И конечно, сразу после войны в воздухе еще было полно нервнопаралитического газа.

– Нервнопаралитического?

– Да, именно от него погибла большая часть людей. В каком-то смысле так даже лучше: просто уснули и не проснулись.

Ему потребовалось десять недель, чтобы дойти от Итаки до нашей долины, и всю дорогу, все это время, он не видел никаких признаков жизни: ни людей, ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни даже насекомых. Только серые пустоши, безлюдные шоссе и мертвые города. Он уже хотел сдаться и повернуть назад, когда, наконец, перевалил через хребет и увидел в вечернем сумеречном свете расплывчатую сине-зеленую полосу. Сперва он подумал, что это озеро – мертвое, как и все остальные. Но наутро, при лучшем освещении, оказалось, что зеленый цвет имеет другой оттенок, уже почти забытый им. Как я и предполагала, он все равно не верил своим глазам, но решил убедиться. Лишь перевалив через холм Бёрден, мистер Лумис наконец понял, что нашел оазис жизни. Это я видела: как он вел себя в тот день!

Он закончил завтрак, съев все и допив до конца кофе. Но по-прежнему был очень слаб и направился в палатку полежать.

– Зачем вам спать в палатке? – спросила я. – Если вам станет хуже, в доме удобнее.

– Палатка защищает от излучения.

– Но в долине нет излучения! Вы же проверяли.

– Да, – согласился он. – Но поначалу не мог в это поверить.

– Но теперь-то вы знаете.

– Теперь знаю. Но коль скоро ты вернулась, дом – твой.

– Если вы будете болеть, а я должна буду за вами ухаживать, мне легче делать это в доме.

Он больше не спорил, встал, шатаясь, и сделал несколько шагов к дому. Потом остановился.

– Голова кружится, – признался он. – Надо отдохнуть.

– Обопритесь на меня, – предложила я.

Мистер Лумис положил руку мне на плечо, тяжело навалившись всем весом, и спустя пару минут мы двинулись дальше. Нам потребовалось минут десять, чтобы добраться до дома, взобраться по ступенькам и доковылять до комнаты Джозефа и Дэвида, которая, к счастью, расположена на первом этаже рядом с гостиной. Он рухнул на кровать Дэвида и сразу же заснул; я укрыла его одеялом.

Больной проспал до полудня, а я за это время сходила на дальнее поле, за пруд, и привела двух коров и теленка обратно на огороженное пастбище. Они, однако, успели привыкнуть к свободе и не хотели идти, так что мне пришлось срезать прут и подгонять их. Теленок, конечно же, все время убегал в сторону, но в конце концов я загнала двух коров в ворота и закрыла их. Разумеется, через несколько минут теленок завопил, чтобы его тоже впустили.

Я завела тельную корову (его мать) в хлев и подоила. Она все еще дает до галлона⁴ при каждой дойке. Но все равно через год молоко кончится, и нам придется какое-то время жить без молока, сливок и масла, пока теленок не вырастет в быка. Сколько ему потребуется времени, я даже не знаю.

Когда я вернулась домой, мистер Лумис как раз проснулся, но не вставал. Я приготовила на скорую руку обед, и он рассказал еще немного о себе.

Он был аспирантом в Корнелле, занимался органической химией: пластмассами и полимерами. (Как он объяснил, это вещества с очень длинными молекулами, из которых делают нейлон, дакрон, полиэтилен и прочее.) Заведующим кафедрой, где он учился, был профессор Килмер, очень знаменитый, он даже однажды получил Нобелевскую премию.

Профессору Килмеру дали правительственный грант, и часть времени он работал в отдельной лаборатории, построенной специально для него в горах, в двадцати милях от Корнеллы. Исследование было засекречено, но тоже что-то про пластмассы и полимеры, по специальности профессора.

⁴ Около 3,5 л.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.